

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-76>

УДК 81'272

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Вопросы языковой политики постоянно актуальны для любого государства, в том числе и для России, которая, как утверждается официально, является многонациональной страной. Согласно действующей конституции, к тому же вполне объективно, государственным языком РФ выступает русский язык; поправки к основному закону 2020 г. наконец исторически справедливо установили государствообразующий статус русского народа.

Естественно, что текущие речесвязанные процессы в разных сферах жизнедеятельности социума порождают различные коллизии. Это касается и области официального общения – законотворчества, правоприменения, судопроизводства и подобного. Поэтому объяснимо спорадическое внимание власти к вопросам использования русского языка как государственного.

Таков был стержень повестки заседания Совета по русскому языку, прошедшего 5 ноября 2019 г. под личным председательством В.В. Путина. Однако на заседании не обсуждались насущные задачи четкой дифференциации устойчивых разновидностей применения национального языка и их нормативной маркированности, некоторые методологические принципы практической лексикографии, вероятные лингводидактические новации и конкретные формы их внедрения; наконец, вопросы юрислингвистического и собственно юридического характера.

Цель статьи – анализ терминологического аспекта языковой политики в России.

Очевидно, что термин «государственный язык» должен быть наполнен четким понятийным содержанием. Это позволит также укрепить его место и в общественном сознании.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, государственный язык, Конституция РФ, терминология, лексикография, профильное образование, законодательство, нормативные акты, юрислингвистика.

Постановка проблемы. Вопросы языковой политики, вне зависимости от конкретных форм ее осуществления, являются неизменно актуальными для очень многих, поскольку непосредственно касаются их жизнедеятельности как членов макросоциума.

Оставляя в данном случае за пределами внимания не менее интересные в лингвистическом и иных аспектах тенденции и уже известные результаты культурно-речевых процессов [Васильев, 2019], сосредоточимся лишь на проблеме государственного языка, который, собственно, является таким же значимым символом суверенитета, как гимн, флаг и герб.

Единый язык выступает в роли мощного фактора, сплачивающего страну в одно целое за счет пронизывающих ее территорию в разных направлениях

и на разных уровнях информационных потоков. Они связывают между собой людей, их микро- и макрогруппы, обеспечивая устойчивость индивидуальных и коллективных контактов, способствуя сложению известного социокультурного изоморфизма населения. Это, в свою очередь, чрезвычайно важно, среди прочего, для эффективности масштабных управленческих решений. Следовательно, применяемый в таких целях язык должен быть общеобязательным, унифицированным и стандартизированным.

Естественно, что тот же самый язык успешно используется и в качестве средства бытовой коммуникации, но тогда его употребление поддерживается в основном узусом устной речи (хотя сегодня все более распространенными становятся письменные формы ее фиксации, которые возможно определить как креолизованные из-за обилия пиктографических и идеографических элементов). Государственный же язык, строго говоря, – гипертрофированное, как будто в статусе самостоятельного массива ответвление официально-делового стиля литературного языка, функционирование которого основывается на соблюдении четко кодифицированных норм, существуя преимущественно в письменных текстах. Иначе говоря, государственный язык – одна из частных модификаций литературного языка, который традиционно и совершенно справедливо квалифицируется классиками отечественной лингвистики как историко-культурный феномен (см. труды В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, В.В. Колесова, Б.А. Ларина и др.). Об этом хорошо известном специалистам обстоятельстве, однако, сегодня приходится напоминать в связи с некоторыми недавними организационными мероприятиями в сфере языковой политики.

Обзор литературы по теме. Предварительно следует сказать, что государство способно воздействовать на язык (точнее, наверное, на речекоммуникативное поведение) своих граждан по трем основным каналам: это система образования, предлагающая учащимся образцы речевой культуры; законодательство, регламентирующее употребление языка (языков) в определенных функциях и ситуациях; средства массовой информации. Не характеризуя здесь эффективность каждого из названных каналов, скажем лишь, что первый из них в силу ряда причин не всегда оказывается достаточно действенным; тексты второго, как правило, малоизвестны обывателям; дискурс третьего зачастую вообще далек от понятия элементарной грамотности.

Тем не менее государство обычно придает особую важность именно юридическим актам, что вовсе не случайно. Ведь в таких случаях благодатным материалом, подлежащим обработке, оказывается совокупность текстуальных произведений прежде всего самого государства, включая его различные подразделения и множество их тружеников. Кроме того, первоочередное внимание (и справедливо) уделяется соблюдению правил орфографии и пунктуации. Но, вероятно, не стоит ограничиваться только этим.

Довольно проблематично назвать какие-либо грандиозные достижения послевоенной языковой политики, сопоставимые по масштабам и результатам с

кампанией ликбеза или изобретением алфавитов для многих народов, до того никогда не имевших письменности (см. об этом [Григорьева, 2004, с. 124; и др.; Васильев, 2018, с. 17–18; Фролов, 2011, с. 8]). Правда, были приняты некоторые юридические акты и иные руководящие документы, но говорить об их действенности вряд ли возможно (см. [Васильев, 2008]).

Цель статьи – анализ терминологического аспекта языковой политики в России методом дискурсивного анализа.

Результаты исследования. Судя по всему, представители власти избирают для своей деятельности в этой сфере тот вектор, который представляется им наиболее многообещающим, а именно – официальный сегмент русской речевой коммуникации. Понятно, что здесь оперативное поле деятельности чиновников принадлежит им безраздельно: ведь для повышения уровня культуры речи населения вообще необходимы были бы мероприятия, сравнимые с культурной революцией первых советских лет, естественным образом менявшие также социально-бытовые условия жизни граждан. Что же касается документооборота, то для его совершенствования не требуется значительных усилий в образовании, например: достаточно узаконить определенные акты. Лингвистическая же составляющая таких мероприятий может игнорироваться властными нелингвистами с легкостью необыкновенной. Например, можно не сомневаться в результативности обещания М. Мишустина: «Правительство проведет экспертизу правил русского языка» (Россия-24. 06.08.20) – наверняка все подчиненные ему министры владеют упомянутым языком, а потому легко справятся с этой задачей.

Но предполагаемой ревизией правил, по-видимому, теперь решили не ограничиваться, сосредоточившись, как уже было сказано, на одной из областей функционирования русского языка. При этом, вероятно, будут инициированы определенные процессы, в которых немалую роль играют используемые термины.

Следует обратить внимание на словосочетание *государственный язык*, по-видимому, терминологизированное и официально применяемое в РФ по отношению к русскому языку.

Напомним, что в Советском Союзе законодательно установленного государственного языка не было: в соответствии с доминировавшей тогда идеологией русский язык как один из языков действительно многонациональной страны выступал в роли средства межнационального общения, не обладая по сравнению с остальными какими-либо преимуществами либо привилегиями. При этом во многих сферах коммуникации русский язык предпочитался другим – не директивно, но прежде всего в силу общедоступности владения им.

Ситуация радикально изменилась после падения советской власти. В ч. 1 ст. 68 Конституции РФ говорится: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык» [Цит. по: Конституция, 2009, с. 4]; после текстуальных изменений 2020 г. была принята формулировка: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в много-

национальный союз равноправных народов Российской Федерации» [Конституция, 2020]. Можно сказать, что такое уточнение является довольно значимым (наконец-то признано непреходящее значение русского народа как государствообразующего), однако некоторая путаница присутствует и здесь¹. Ведь уже было официально признано, что в области идеологии (мифотворчества) советскую власть превзойти пока не удалось: тогда «даже придумали общность людей – *советский народ*. Мы говорим про *российский народ*, но это пока не то» [Путин, 2010]. Очевидно, отсюда и многие естественные затруднения как в осуществлении последовательной языковой политики, так и в использовании точных, т.е. недвусмысленно именующих, денотат, терминов и терминоидов.

Немаловажную роль в официальном применении словосочетания *государственный язык* очевидно играет коннотация прилагательного *государственный*, осеняющего определяемое им неким ореолом державности, иначе говоря – сакральности.

Достаточно обоснованно полагают, что государственный язык – «сугубо юридический феномен» [Голев, 2008, с. 15]. На нем «по конституции осуществляются деятельность государственных учреждений, правовая деятельность (в первую очередь в статусе языка судопроизводства), межнациональные отношения, образование и др.» [Голев, Сологуб, 2008, с. 77]. По всей вероятности, в это «др.» допустимо включать документацию предприятий всех форм собственности, до некоторой степени – отдельные речевые акты СМИ.

Можно было бы сказать, что явление, обозначаемое сегодня как *государственный язык* в РФ, во многом (по крайней мере, по своему предназначению и довольно ограниченному набору стандартизованных языковых средств) близко, если не совпадает совершенно, с лингвистическими параметрами подсистемы литературного языка, традиционно именуемой иначе, хотя и не без известных вариаций ее понятийного наполнения. Ср., например: «*стиль административный* (стиль канцелярский). Стиль, характерный для деловой переписки, официальных бумаг и т.п., характеризующийся педантизмом построения и употреблением специфических (часто, но не всегда) архаизованных слов и выражений» [Ахманова, 1966, с. 455] (здесь упоминаются также, но без дефиниций, *стиль официальный*, *стиль официально-документальный*). – «*Официально-деловой стиль*

¹ По всей вероятности, это происходит, во-первых, из-за упорного почти большевицкого отношения к великороссам; во-вторых, вследствие очевидной и неуместной торопливости, с которой создавались многие поправки к конституции образца 2020 г. Ср., например, вряд ли абсолютно конгруэнтные и в юридическом, и в обыденном понимании формулировки, под которыми подразумеваются как будто идентичные денотаты: «многонациональный народ Российской Федерации» (преамбула) – «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 68) – «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа» (ч. 4 ст. 68) и проч. (о подобных играх в слова см., например, [Васильев, 2013, с. 321–358; и др.; Васильев, 2019, с. 171–217; и др.]). Кстати, иногда рациональные суждения обнаруживаются и у подзабытых авторов: «Россия – пестрая в национальном отношении страна» [Ленин, 1976, с. 122].

обслуживает сферу правовых отношений – законодательство и делопроизводство. В его составе выделяются подстили: 1) собственно законодательный (закон, указ, гражданские и уголовные акты, уставы), 2) административно-канцелярский (акт, распоряжение, приказ, деловые бумаги: заявление, характеристика, автобиография, доверенность, расписка), 3) дипломатический (нота, меморандум, коммюнике, соглашение, конвенция)» [Леонова, 1989, с. 169]. – «...*Офиц.-деловой* – стиль деловых бумаг и спец. общения в экономич., юридич., дипломатич. сферах, в гос. учреждениях и т.п.» [Мурот, 1990, с. 567]. Строгие стилевые закономерности *официально-делового стиля* обусловлены тем, что он обслуживает деловые отношения между людьми, учреждениями, странами, между гражданами и государством, т.е. административно-правовую сферу социальной жизни [Сурикова].

Допустимо считать, что *государственный язык* РФ является гипертрофированным – вследствие освящения властью – именованием того, что ранее (суммарно) обозначалось термином *официально-деловой стиль* (хотя закон, призванный – вроде бы – регламентировать употребление «государственного языка», не только, мягко выражаясь, несовершенно, но и малоизвестен [Васильев, 2008, с. 72–116]).

Вполне естественно, что именно функционирование русского языка в законодательстве, документообороте и подобных коммуникативных сферах логично объясняет внимание к нему со стороны властей предрежащих. Кроме того, возможно, у некоторых высоких руководителей и их обслуги существует свойственная лингвистам иллюзия о легкости и общедоступности воздействия на законы и материю языка (даже не речи!), а также вполне понятное желание продемонстрировать населению быстрые и зримые успехи хотя бы какой-то из реформ, кроме пенсионной.

В первую очередь этими обстоятельствами объясняется недавнее (5 ноября 2019 г.) заседание Совета по русскому языку, в котором президент РФ принял личное участие. Среди ряда выступлений на этом мероприятии, кроме более или менее откровенных просьб о госбюджетном финансировании тех или иных научно-лингвистических исследований, а также разного рода юбилейных торжеств, музейных мероприятий и тому подобных «посиделок», по удачному определению В.В. Путина, прозвучали и достаточно рациональные – и не только в общенаучном отношении. В частности, о необходимости создания новейшего (по всей вероятности – академического) толкового словаря русского языка, урегулирования современного правописания (см. [Васильев, 2018, с. 42–68]), совершенствования текстов нормативных актов и документов для соответствия их требованиям понятности, определенности и недвусмысленности [Васильев, 2010, с. 285–286; Воробьева, 2014].

Оправданная настойчивость по поводу жизненно необходимого возрождения полноценного пятилетнего филологического образования, ошельмованного и уничтоженного по чужестранным лекалам, звучала в аргументированных выступлениях Л.М. Кольцовой и С.А. Кузнецова, отчасти – Б.П. Екимова. Правда, до сих пор неизвестно, будет ли наконец, сделан административно-практический

вывод из этих предложений, очень близких и понятных преподавателям лингвистических дисциплин. В случае продолжения порочной практики двухступенчатого учебного процесса, декорированной псевдоученым пустословием и множеством ненужных бумаг, какого-либо улучшения подготовки учителей-словесников ожидать невозможно. Собственно, ведь и В.В. Путин в своем вступительном слове говорил о «повышении качества подготовки профильных педагогов».

Впрочем, вполне объяснимо, что главные акценты обсуждения были расставлены председательствовавшим, и столь же логично – согласно его должностным интересам. В соответствии с ними на первом плане, разумеется, находятся «нормы современного литературного языка (вероятно, русского. – *А.В.*) при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Заседание Совета] – и это обоснованно. Несколько более дискуссионным представляется непосредственно следующее предложение: «Они (нормы) должны стать обязательными для использования всеми государственными структурами, будь то органы власти – и исполнительные, и судебные, законодательные – и школы, средства массовой информации» [Там же]. Собственно, здесь отчасти воспроизведены некоторые нечеткие положения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (см. [Васильев, 2008, с. 74, 76–79, 93–97; и др.]).

Из вышецитированного логично вытекают формулировки, содержащиеся в перечне поручений президента от 1 марта 2020 г. по итогам упомянутого заседания. Приведем некоторые из них: «...издать нормативный правовой акт, предусматривающий утверждение Правительством Российской Федерации норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»; «утвердить требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка, соблюдение которых требуется при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, а также утвердить такие словари, включая толковый словарь государственного языка Российской Федерации» [Перечень поручений].

Возникают некоторые вопросы преимущественно лингвистического и лингводидактического характера.

Существуют ли какие-то специфические нормы современного русского литературного языка именно при его использовании в качестве государственного языка – и могут ли они действительно существовать?

Каковы научно-лингвистические основания кодификации этих гипотетических норм?

В чем радикальные отличия толкового словаря государственного языка РФ от толкового словаря русского литературного языка – в селекции и представлении лексико-фразеологических единиц?

Кого и в каких учебных заведениях будут обучать государственному языку? Преподаватели какой квалификации станут выполнять эту важную задачу? Какие методики и дидактические пособия для этого необходимы?

Кто (какое учреждение) и каким образом будет производить «осуществление контроля за соблюдением должностными лицами органов и организаций, государственными и муниципальными служащими, гражданами норм и правил современного русского литературного языка в сферах, в которых использование государственного языка Российской Федерации является обязательным» [Перечень поручений]? Каким санкциям будут подвергнуты потенциальные нарушители?

По всей вероятности, на эти и им подобные вопросы сможет ответить межведомственная комиссия по русскому языку при Правительстве РФ.

Конечно же, неизменно актуальной для массового правосознания остается классическая формулировка: «Закон – я немею пред законом» [Гоголь, 1956, с. 32], и все предполагаемые установления, как и другие, будут тщательно и добросовестно исполняться. Однако несколько озадачивает терминологический вектор, направленный как будто на решительную дифференциацию якобы двух самостоятельных языковых феноменов: *русский (литературный)* – и *государственный*. Полная элиминация этнического (национального, в традиционном понимании) начала и гиперболизация этатического (внеэтнического) признака может обрести для перспектив самого государства не самое желательное направление. Ведь утрата исконного именованного собственного языка государствообразующего народа ставит под сомнение и эту его исторически и объективно обусловленную роль².

Заключение. В заключение добавим, что сегодняшние попытки резко разграничить и даже взаимно противопоставить будто бы разные языки, в действительности – разные функционально-стилевые пласты одного национального языка, далеко не новы. Так, персонаж романа 1877 г. (действие происходит в 1868 г.), в звании камер-юнкера служащий в министерстве двора, заявляет: «Я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует?» [Тургенев, 1954, т. 4, с. 224] (см. о пропагандистских импульсах и катализаторах подобных феноменов [Васильев, 2003, с. 180–211; 2013, с. 359–446; 2019, с. 218–295; Васильев, Васильева, 2020]).

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
2. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
3. Васильев А.Д. Письменность, алфавиты, орфография: история и современность. Красноярск, 2018. 164 с.
4. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
5. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
6. Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. № 1 (51). С. 152–160.
7. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.

² Интересно в связи с этим: входят ли русские в число «коренных народов России», чьи языки подлежат «сохранению и возрождению» [Перечень поручений].

8. Васильев А.Д. Язык российского права и некоторые вопросы юридического образования // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул, 2010. С. 283–299.
9. Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. ... дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.
10. Гоголь Н.В. Мертвые души. Киев, 1956. 421 с.
11. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
12. Голев Н.Д., Сологуб О.П. Официальное функционирование языка в сфере государственной коммуникации // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 74–88.
13. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. М., 2004. 456 с.
14. Заседание Совета по русскому языку 5 ноября 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 10.05.2021).
15. Конституция 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#>.
16. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 21.01.2009. № 7 (4831). С. 3–5.
17. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976. С. 122–123.
18. Леонова Н.А. Функциональные стили русского литературного языка // Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Изд. 2-е. 1989. С. 141–219.
19. Мурот В.П. Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 567–568.
20. Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку 1 марта 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
21. Путин В.В. Выступление на заседании Госсовета РФ. 27.12.10. URL: <https://www.vesti.ru/article/2020943> (дата обращения: 10.05.2021).
22. Сурикова Т.И. Русский язык и культура речи. URL: https://studme.org/1584072018084/kulturologiya/russkiy_yazyk_i_kultura_rechi (дата обращения: 10.05.2021).
23. Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1954. Т. 4. С. 191–477.
24. Фролов Н.К. Краткий очерк истории письменных культур народов мира. Тюмень, 2011. 224 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-76>

TERMINOLOGICAL ASPECTS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE POLICY

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Issues of language policy are constantly relevant for any state, including Russia, which is a multinational country as stated officially. According to the current constitution, the Russian language is the state language of the Russian Federation; amendments to the 2020 Basic Law have finally and justly established the state-forming status of the Russian people.

Naturally, the current speech-communicative processes in different spheres of life of society give rise to various conflicts. This also applies to the field of official communication – lawmaking, law enforcement, legal procedures, etc. Therefore, the sporadic attention of the authorities to the use of the Russian language as a state language is understandable.

This was the key in the agenda of the meeting of the Russian Language Council, held on November 5, 2019 under the personal chairmanship of the President Vladimir V. Putin. However, the meeting participants did not pay due attention to a number of rather obvious problems that arise in this regard. Among them are, in particular, the pressing tasks of clearly differentiating stable varieties of the use of the national language and their normative labelling, some methodological principles of practical lexicography, probable linguodidactic innovations and specific forms of their implementation; finally, issues of juridical linguistics and of legal nature.

The purpose of the article is to analyze the terminological aspect of language policy in Russia.

As a result, it is obvious that the term “state language” should be filled with a clear conceptual content. This will also strengthen its place in the public consciousness.

Keywords: *language politics, Russian language, state language, the Constitution of the Russian Federation, terminology, lexicography, specialized education, legislation, normative acts, juridical linguistics.*

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M., 1966. 608 p.
2. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013. 660 p.
3. Vasilyev A.D. Writing, alphabets, orthography: history and modernity. Krasnoyarsk, 2018. 164 p.
4. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexico-semantic processes. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
5. Vasilyev A.D. Russian language policy 1991–2005. Krasnoyarsk, 2008. 176 p.
6. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian – Russian? The question of identification and self-identification // Vestnik KSPU im. V.P. Astafyev, 2020. No. 1 (51). P. 152–160.
7. Vasilyev A.D. The word in the Russian TV air. Essays on the latest word usage. M., 2003. 224 p.
8. Vasilyev A.D. The language of Russian law and some questions of legal education // Yurilinguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence. Kemerovo, Barnaul, 2010. P. 283–299.
9. Vorobyova M.E. Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness (based on the material of interpretations of legal terms by ordinary native speakers of the Russian language): autoref. ... dis. ... Candidate of Philology Kemerovo, 2014. 24 p.
10. Gogol N.V. Dead souls. K., 1956. 421 p.

11. Golev N.D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction // Bulletin of TSU. 2008. No. 3 (4). P. 5–17.
12. Golev N.D., Sologub O. P. Official functioning of the language in the sphere of state communication // Yurilinguistics-9: Truth in language and law. Kemerovo; Barnaul, 2008. P. 74–88.
13. Grigorieva T.M. Three centuries of Russian orthography. M., 2004. 456 p.
14. Meeting of the Russian Language Council on November 5, 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (access date: 10.05.2021).
15. Constitution 2020. <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#>
16. The Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya gazeta. 21.01.2009. № 7 (4831). P. 3–5.
17. Lenin V.I. Rabochy klass i natsionalny vopros [The Working class and the national question] // Lenin V. I. Sbornik produktov [Collection of works]. M., 1976. P. 122–123.
18. Leonova N.A. Functional styles of the Russian literary language // Stylistics of the Russian language / Ed. by N. M. Shansky. Ed. 2-e. 1989. P. 141–219.
19. Murot V.P. Functional style // Linguistic encyclopedia dictionary. M., 1990. P. 567–568.
20. List of instructions following the results of the meeting of the Council for the Russian language on March 1, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
21. Putin V.V. Speech at the meeting of the State Council of the Russian Federation. 27.12.10. URL: <https://www.vesti.ru/article/2020943> (access date: 10.05.2021).
22. Surikova T.I. Russian language and culture of speech. URL: https://studme.org/1584072018084/kulturologiya/russkiy_yazyk_i_kultura_rechi (access date: 10.05.2021).
23. Turgenev I.S. Nov // Turgenev I.S. Sobr. soch. In 12 vol. M., 1954. Vol. 4. P. 191–477.
24. Frolov N.K. A brief outline of the history of written cultures of the peoples of the world. Tyumen, 2011. 224 p.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru